

Нынешний год для народной артистки России Аллы Пугачевой знаменательный. Ровно 35 лет тому назад в Московском Доме учителя, где некогда известные эстрадные конферансье Александр Лившиц и Александр Левенбук готовили свою программу "Пиф-паф", появилась девочка и ломким тоненьким голосом спела песню "Робот". Ее взяли в программу, потом она выступила на радио, съездила на гастроли по комсомольским стройкам страны и... пропала. Посчитала, что рановато ей выступать, надо поучиться. Поучилась и ровно 25 лет тому назад на "Золотом Орфее" прозвучала в исполнении лауреата Всесоюзного конкурса Аллы Пугачевой песня "Арлекино". Исполнительница получила Гран-при, мир — великую эстрадную певицу, которая вот уже четверть века без устали приковывает к себе внимание и тех, кто ее обожает, и тех, кто ее не любит, и тех, кто относится к ней безразлично, хотя трудно себе представить, что такое может быть. Пугачева уникальна во всем, неповторима, талантлива, самобытна. Ее феномен еще будут разгадывать и современники, и потомки. Ей будут подражать, ей будут завидовать, поклоняться, заносить в историю и выносить ее опыт на эстрадные площадки мира. А нас — называть людьми, жившими в эпоху Пугачевой.

Илья Резник, поэт:

— Мне кажется, что Пугачева принадлежит к той довольно редкой категории людей искусства, которым процесс создания, будь то репетиция или авторская работа, приносит больше радости, чем сам результат этого труда. Может быть, этим и объясняется ее постоянное стремление к переменам... Пугачева многолика. Порой даже близкие не могут угадать, где она — актриса, а где — настоящая.

Раймонд Паулс, композитор:

— У Аллы Пугачевой есть свое лицо на эстраде, ее ни с кем не перепутаешь. На эстраде — а может быть, в первую очередь на эстраде — нужна личность. Человек, который входит и заявляет: "Это я! Это мое! Мне есть что сказать", — всегда интересен.

Андрей Петров, композитор:

— Пугачева — певица, использующая очень высокие эстрадные стандарты. Она ломает сложившиеся уровни и расширяет рамки, в которых творят большинство наших певцов.

трибуной в ведрах и тут же снова продавались публике, пришедшей на следующий концерт. Это меня покорило. Как можно? Какая-то маленькая девочка несет ей букетик, глазки сияют, а потом эти цветы идут в оборот. Я ей сказал:

— Ты знаешь, что делают эти пончики, твоя администрация?

— Ну это их дело, как они зарабатывают, меня не касается. Главное, что они мне отстегивают.

Деньги, которые делала эта администрация, были огромные. Я один раз видел, как они их делили. Они не считали их, а просто положили палку в середину денежной горы, подбросили ее, она расскелла денежную гору на две части, потом на четыре. И четыре компаньона разобрали себе свои доли. С этого барского стола только какая-нибудь тысчонка доставалась Пугачевой и какие-то крохи — музыкантам ее ансамбля.

Правда, при этом на советской эстраде было негласное, но железное правило: администрация никогда не должна подставлять актеров. Садиться должны были администраторы. Так сидели администраторы Высоцкого и другие закулисные зубры. Им давали по полтора-два года и быстро выпускали.

На Сопотском фестивале два конкурса: певцов и песен. Так вот, именно на конкурс песен, а не певцов тогда была представлена песня композитора Рычкова и поэта Дербенева "Все могут короли". Пугачева ее только исполняла. Авторы получили Гран-при, но так как советская власть не выпустила их в Польшу, то на сцене приз отдала Пугачевой. Это выглядело, как если бы на кинофестивале приз за лучший сценарий фильма вручили исполнителю роли. Но она тут же навесила его себе на грудь, а денежный приз с большой помпой передала полякам на благотворительность (за что ей были обещаны гастроли в Польшу).

На съемочной площадке Пугачева вела себя совершенно развязно, никого не слушала, ее несло. Она была убеждена, что она тут хозяйка и царица. Наш разрыв становился все очевиднее. Однажды мы снимали у стадиона "Лужники" короткий проход героини от двери до автомашины. Она, как чемпионка по безукоснице, надела совершенно не идущее ей мужское пальто, а сверху маленькую дамскую шляпку и выглядела буквально как курица в мундире, что полностью противоречило романтическому образу героини фильма, который мы пытались создать с помощью света, грима, костюмов. Я уж не говорю про то, что она еще и растолстела немаленько. Я пытался вразумить ее: ты же эстрадная певица, должна поддерживать определенную форму. А в ответ слышал ее стандартное: "Народ меня и такую скавает!" И только когда она перебирала за 75 килограммов, то хваталась за ум, я вез ее в

Институт курортологии, где ее садили на диету. Впоследствии, когда у нас был бракоразводный процесс, она судье сказала, что мы разводимся, потому что "он надо мной издевался". — "Как он издевался?" — спросил судья. "Он меня заставлял ложиться в больницу, чтобы я худела".

Короче, на съемки в Лужники она явилась непомерной толщиной, с опухшим лицом, в мужском пальто и в этой шляпке. Это было ужасно. А у нас была замечательная и очень профессиональная группа, и кто-то из художников-гримеров сделал ей замечание, а она, естественно, послала этого художника матом. Художник прибежал ко мне жаловаться. Я решил не вступать с ней в конфликт и сказал об этом второму режиссеру, Валентине Максимовне Ковалевой.

Я пошел на разрыв с ней уже без особой грусти, предложил Пугачевой мировое соглашение о разделе имущества, но она сказала:

— Нет, я хочу, чтобы был суд, потому что ты должен оставить мне все.

— В каком смысле все?

— Ну все — это все. Антиквариат, который ты из Ленинграда привез, картины, мебель. Все должно быть моим... Ты должен платить за то, что спал с самой великой женщиной двадцатого века!

Исповедь Аллы ПОД ДИКТОВКУ МУЖА

Новую книгу "Я хочу твою девушку", изданную "АСТ", ее авторы — писатель Э. Тополь и кинорежиссер А. Стефанович считают сенсационным романом. Два друга путешествуют по Европе, пытаясь написать сценарий о любви. Причем Стефанович посвящает роман сразу нескольким десяткам жен, любимых, знакомых; Тополь — лишь сыну и жене. Такая разница понятна: Стефанович стремится предстать супермужчиной, чья помощь делает множество женщин знаменитыми, состоятельными, счастливыми. Тополь, как всегда, сдержан, умен, деловит.

Авторы утверждают, что вымышленные персонажи

не имеют никакого отношения к персонам реальным. Но один персонаж все же очень сильно напоминает одну из жен Александра Стефановича. Тем более что в книге есть снимки той, что названа в романе Аллой Пугачевой, в компании с кинорежиссером.

Из ряда множества историй, кстати, выбивается именно эта, интригуя, заманивая, заставляя прожить всю книгу от начала до конца. Прочитавший не пожалеет, несмотря на все преувеличения, личность мужчин в женских историях, книга эта о любви, взаимопомощи, о человеческой участи и настоящей дружбе, которая, оказывается, бывает между мужчиной и женщинами.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ у Дербенева дома. Надо сказать, что Пугачева веселая, общительная, была остроумной, внимательно слушала, пела песни. Было ей тогда 26 лет. Она была тоненькой, стройной девочкой, что трудно себе представить сейчас. Рыжая, губастая, хотя от природы у нее не особенно выразительное лицо, артистизм был необыкновенный.

...Я всегда подвозил ее в дом на Рязанском проспекте, где жили ее отец, мать и дочка. Там у них была двухкомнатная квартира. Но оказалось, что у Пугачевой есть еще одна "тайная" квартира на Вешняковской улице. Когда мы приехали туда, меня охватил ужас. Это была абсолютно пустая однокомнатная квартира, в углу которой лежал голый матрас, а весь пол был заставлен огромным количеством пустых бутылок. Я переселился в эту квартиру, и мы стали жить вместе...

Тайные планы

Песня "Все могут короли" проскочила в новомодном "Огоньке" и, конечно, уже назавтра стала шлягером, ее запела вся страна. Я был уверен, что ей не надо копировать Запад, а, наоборот, быть чисто русской певицей, тем более что и фамилия у нее такая русская. То есть никогда не исполнять западных песен и все время подчеркивать свою "доморощенность". Это было точно рассчитанное заполнение пустующей ниши. Потому что в тот момент на эстраде царили полька Эдита Пьеха, которая пела с акцентом, румынка София Ротару, которая жила на Украине, и еще несколько приблатов. Русская ниша была пуста.

В то время обязательной частью репертуара любого певца была гражданская лирика — все эти "за себя и за того парня" и "а мы ребята семидесятой ширины". А у нее должен был быть сознательный

отказ от любых гражданских тем. Только о любви! Ни о чем больше! Таков был "тайный" стратегический план проекта "Алла Пугачева".

...Одновременно мы работали над ее внешностью, над сценическим образом. Тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Как-то она уезжала на гастроли и сумку со всеми своими сценическими костюмами положила в мои "Жигули", а сама помчалась по каким-то делам в Москонцерт. А я пошел в Дом кино на премьеру нового фильма и, когда вышел, обнаружил, что стекла моей машины разбиты, а сумка похищена. Пугачева оказалась в джинсах и свитере. Как она вышла из положения в Харькове, я не знаю, но сразу после ее возвращения я притащил ее на "Мосфильм", и Марина Левинова, художник по костюмам моего фильма о "Песнярах", сшила ей замечательное платье.

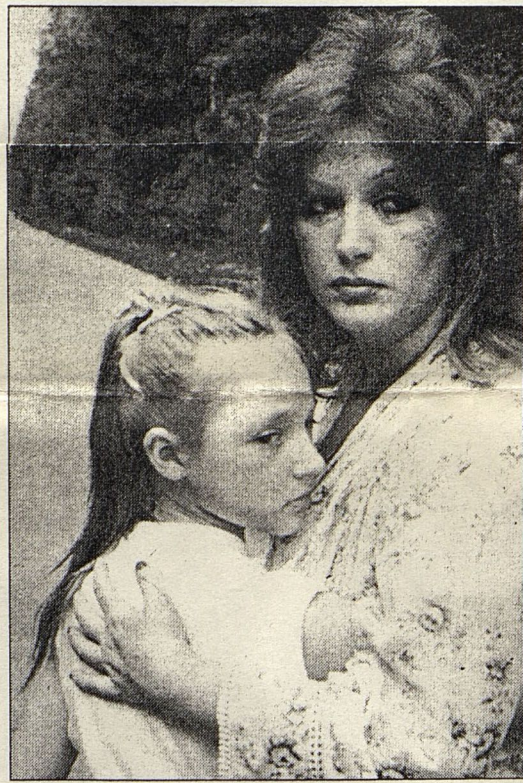
Как бы то ни было, меня увлекла эта игра по раскрутке любимой девушки, мне это напоминало запуск ракеты на орбиту — все делается втайне, а я "генеральный конструктор", про которого никто не знает. Трюков по этому запуску было много, всех не перескажешь, но вот парочка. Мой нынешний большой друг, а тогда корреспондент "Комсомольской правды" Лева Гушин под псев-

донимом Лев Никитин опубликовал в "Комсомолке" три огромных подвала — исповедь Пугачевой. На самом деле она там слова не произнесла, а это я наговорил Лева весь текст интервью в течение нескольких вечеров в ресторане Дома кино, под шашлык и грузинское вино. В интервью была масса цитат из книг, и у массового зрителя создавался образ интеллектуальной певицы, совершенно новый тип артистки на эстраде.

Тут кто-то привез из Японии маленькую заметку с сорок восьмой страницы газеты "Асахи", где был перечень людей, популярных в разных странах. Про Россию было написано буквально пять строк: национальный герой — Юрий Гагарин, лучший режиссер — Юрий Любимов, лучшая балерина — Майя Плисецкая, самая популярная певица — Пугачева. Из этой строчки я с помощью друзей в "Литературной газете" запустил публикацию о том, что японцы назвали самыми знаменитыми людьми XX века Юрия Гагарина и Аллу Пугачеву.

Помимо общей стратегии существовали еще и тактические задачи. То есть создание ажиотажа, атмосферы скандала. Эти скандалы иногда просто выдумывались. Например, внезапные исчезновения Пугачевой. "Пугачева уходит со сцены!" Все рыдают, умоляют вернуться. Когда все уже воют: "Где Пугачева? Дайте нам Пугачеву!" — она является народу.

Постепенно это развлечение по раскрутке стало частью моей жизни. При этом я снимал свои фильмы, писал сценарии, а на эстрадной полянке это было мое хобби. Практически то, чем я занимался с Пугачевой, сегодня бы назвали имиджмейкерством. Я был, возможно, первый имиджмейкер в Советском Союзе, хотя и не знал это-

го слова, а делал это все исключительно как подарок любимой девушке, с которой жить было интересно.

...Когда исполнителю платят семь рублей за концерт, то это вынуждает его зарабатывать "левым" путем. На чем, конечно, чудовищно наживались эстрадные администраторы, которые присваивали себе львиную долю от "левых" сборов.

Эти "специалисты" делали деньги на всем. Например, по случайности я оказался на завершении концертов Пугачевой в Симферополе. Там в течение пяти дней были даны 14 концертов на 30-тысячном стадионе. Все концерты прошли с аншлагом, по три в день. Фокус же состоял в том, что дирекция стадиона и администрация певицы фиксировали якобы неполное заполнение трибун и составляли акт о сжигании непроданных билетов. Хотя на самом деле сжигалась чистая бумага, а доходы от продажи неучтенных билетов они делили между собой. Вторым источником дохода, который мне показался совершенно циничным, была повторная продажа цветов. То есть цветы, которые зрители дарили исполнительнице, складировались под

